

ЭО, 2013 г., № 4

© И.А. Аржанцева

**ИМПЕРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРИИ:
СОВЕТСКАЯ ХОРЕЗМСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ**

Ключевые слова: С.П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, Приаралье

Статья посвящена истории Хорезмской археолого-этнографической экспедиции от ее начала (1937 г.) до самых последних работ (1997 г.) уже после распада СССР. В Хорезмской экспедиции выделяются три этапа: довоенный (1937–1941 гг.), послевоенный – самый плодотворный, широкомасштабный и успешный (1945–1970-е гг.) – и заключительный (1980-е – 1997 гг.), когда (особенно после распада Союза) работы постепенно сокращались и сворачивались. Автор анализирует “феномен Хорезмской экспедиции”, с точки зрения современного поколения археологов, уделяя большое внимание личности создателя ХАЭЭ, выдающегося ученого и организатора С.П. Толстова.

О Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) и о ее основателе и бессменном руководителе (до 1965 г.) С.П. Толстове написано немало как в научной, так и художественной литературе (*Бершадский* 1949: 149–180; *Земская* 1983; *Берестов* 1998). Есть различные варианты биографии С.П. Толстова: от “казенно-панегирических” (по образному выражению А.А. Формозова), неотделимых от его научной деятельности и карьеры, какие и положено было печатать к юбилеям и годовщинам в 50–80-е гг. XX столетия (*Лобачева* 1957; *Жданко и др.* 1967; *Камалов* 1967; *Итина* 1997)¹, до биографий с “человеческими” интонациями, живыми подробностями и попытками проанализировать ту сложную жизненную ситуацию, в которой жили и трудились ученые в условиях советской “империи” (*Германов* 2002: 13–34). Среди последних особенно выделяются статьи и отдельные воспоминания Ю.А. Рапопорта (*Рапопорт* 2000: 15–14; *Рапопорт* 2001: 73–81; *Рапопорт, Семенов* 2004: 184–232) и М.М. Рожанской², знавших С.П. Толстова лично много лет. Вряд ли я смогу добавить хоть какие-то новые факты к уже известным и многократно изложенным. И вряд ли имею право судить о тех или иных противоречивых поступках такого яркого и, безусловно, выдающегося ученого, как С.П. Толстов. Я хотела бы показать, как воспринималась и воспринимается эта экспедиция и ее создатель археологами моего поколения, начавшими свою самостоятельную профессиональную деятельность в 80-х гг. прошлого столетия, в переломный момент не только для нашей науки, но и для всего государства.

Я впервые услышала о Хорезме и Хорезмской экспедиции в годы учебы на историческом факультете МГУ, на кафедре археологии, на лекциях профессора Г.А. Федорова-Давыдова, принимавшего участие в работах этой экспедиции (1945–1950 гг., раскопки Топрак-калы). При упоминании знаменитого дворца Топрак-кала профессор страшно оживлялся, академический тон его повествования сменялся восторженными описаниями сказочных залов с завораживающими названиями: “Зал арфисток”, “Зал танцующих масок”, “Зал чернокожих воинов”. По воспоминаниям Ю.А. Рапопорта,

Ирина Аркадьевна Аржанцева – к.и.н., ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: arzhantseva@rambler.ru

эти названия придумывал сам С.П. Толстов, который был, помимо всего прочего, и талантливым популяризатором науки, и, безусловно, литературно одаренным человеком (*Рапопорт, Семенов* 2006: 199). Тогда, в середине 70-х гг., молодым археологам Хорезмская экспедиция казалась чем-то легендарным, полумифическим, грандиозным. Эта экспедиция для археологов-ориенталистов была тем же, чем Новгородская экспедиция для археологов и историков, занимающихся историей и археологией Древней Руси, с той лишь разницей, что деятельность Новгородской экспедиции была связана с одним городом и историческим периодом, а работы Хорезмской экспедиции охватили площадь в несколько десятков тысяч квадратных километров (Южные Кызылкумы и Северные Каракумы, Прикаспийский регион, Восточное Приаралье, Низовья Сырдарьи и Амударьи), были открыты, описаны и исследованы более 800 археологических памятников от палеолита и до средневековья. Такой размах не мог не поражать воображение. Я специализировалась по раннему средневековью Средней Азии, и тогда мне казалось, что Хорезмская экспедиция – это уже героическое прошлое, “эпоха титанов” среднеазиатской археологии. Но моя археологическая судьба сложилась так, что мне самой пришлось не только поработать в этой экспедиции (лаборантом и раскопщиком), но и тесно сотрудничать с последними “легендарными” хорезмийцами и хорезмийцами “молодого” (уже достаточно условно) поколения, а впоследствии вплотную заниматься обширным архивом Хорезмской экспедиции. Героическая “сага” о Хорезмской экспедиции (ХАЭЭ), не переставая быть таковой, распадалась на отдельные неравнозначные части, иногда драматические, часто действительно героические, овеянные романтикой. По сути дела, деятельность Хорезмской экспедиции прекратилась вместе с распадом СССР, хотя отдельные отряды продолжали работать и в 90-х гг.

Безусловно, феномен Хорезмской экспедиции тесно связан и, более того, является порождением такой государственной системы, какую представлял собой Советский Союз: колониальная империя с сильной центральной властью и жесткой идеологической доктриной. А учитывая личные особенности правителей и национальные традиции, наше государство к тому же имело явные черты восточной деспотии. Часть колоний перешла по наследству от царской России, другие были присоединены (“добровольно вошли в состав”, по советской терминологии) в ходе “триумфального шествия советской власти”. Что касается Средней Азии, то политика присоединения, с последующим “освоением” старых и вновь приобретенных территорий Средней Азии практически, явилась продолжением колониальной политики царской России в этом регионе, начиная с XIX в., в чем-то повторяя основные этапы этого самого присоединения и освоения³. Тем самым демонстрировалось наличие одного из главных признаков империи – постоянное стремление к идеологической и пространственной экспансии (*Зеленева* 2005: 15). Таким образом, началу работ советских историков и археологов в Средней Азии предшествовало более чем столетнее изучение военными, путешественниками и учеными древностей этого края. Серьезным отличием от политики царской России в Средней Азии (и вообще в национальных окраинах) было то, что советская власть сделала ставку на формирование новых национальных кадров, идеологически выдержанных и придерживающихся генеральной линии партии (это главным образом касалось гуманитариев – историков, этнографов, археологов, филологов и т.д.). С этой целью и как отражение этого процесса на местах в 30–40-е гг. создавались филиалы АН СССР (в 1932–1933 гг. появились первые филиалы, включая Казахский, Таджикский, а в 1934–1940 гг. – Туркменский и Узбекский филиалы). Затем на их базе возникли национальные Академии: в 1943 – АН Узбекской ССР, в 1951 – Туркменская и Таджикская (БСЭ). Под эгидой национальных академий создавалась сеть соответствующих учреждений: институты, музеи, научно-исследовательские базы, экспедиции – все это осуществлялось под жестким контролем Москвы. Новые кадры должны были прийти на смену ученым, краеведам и специалистам с дореволюционным образованием, традициями и “нежелательным” (для новой власти)

образом мыслей. Старые кадры были устранены и часто просто физически уничтожены в ходе “чисток” и репрессий в конце 20-х и 30-х гг. То, что происходило на национальных окраинах, естественно, было лишь частью общего процесса по вытеснению и уничтожению инакомыслящих, проходившему по всей Советской России в это время⁴. Их место должны были занять молодые кадры, зарекомендовавшие себя истинными марксистами и принявшие новые правила игры. К этим новым кадрам принадлежал и С.П. Толстов – талантливый, честолюбивый и энергичный молодой ученый.

Другой отличительной чертой советской политики в Средней Азии стал размах “социалистического строительства” (индустриализация и коллективизация национальных окраин), выразившийся в крупнейших проектах освоения пустынных и залежных земель, строительстве каналов и крупных ирригационных систем и ГЭС⁵, дорог, и в одном из самых грандиозных проектов XX в. – переброске части стока сибирских рек в Среднюю Азию. Все эти грандиозные стройки и проекты привели к созданию новых и к увеличению уже имеющихся археологических экспедиций, работающих в этом регионе, так как в 1934 г. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление, согласно которому все новостройки должны были предоставлять средства на раскопки археологических памятников, обреченных на уничтожение в зонах строительства.

Этапы существования Хорезмской экспедиции соответствовали определенным периодам истории СССР. Занимаясь историей этой экспедиции и ее архивом, я условно выделила эти три этапа.

Начало: Довоенный период, или “Бегство в пустыню”. Официальным годом первых работ Хорезмской экспедиции считается 1937 г.⁶ Район работ – земли древнего орошения в низовьях Амударьи, Хорезм, как и время начала работ, выбраны были совершенно не случайно. С.П. Толстов в 1932–1934 гг. был аспирантом кафедры Средней Азии Института истории материальной культуры (ИИМК) по специальности “История и археология Средней Азии”, а в 1935 г. получил степень кандидата исторических наук и стал ученым секретарем Московского отделения ГАИМК (Государственной Академии истории материальной культуры)⁷. Изначально С.П. Толстов, который сам себя считал прежде всего этнографом и учеником выдающегося дореволюционного ученого Д.Н. Анучина⁸, интересовался больше проблемами первобытного общества и опубликовал несколько работ по истории первобытного общества, но вскоре он понял, что теоретизировать в этой области становится крайне небезопасно. В начале 30-х гг. в качестве генеральной идеологической линии утвердилась идея о стадийности развития общественных формаций. Эту теорию, согласно которой все общества развиваются на месте по единой схеме вне зависимости от природных условий и конкретно-исторической ситуации, разработали молодые ленинградские ученые (В.И. Равдоникас, Е.И. Кричевский и др.) в поисках соответствующей марксизму археологической идеи (Клейн 2011 II: 18). Теория стадийности была создана на основе “нового учения о языке”, автором которого был академик Н.Я. Марр, хотя сам он непосредственного участия в создании этой теории не принимал. Это была смесь вульгарного марксизма с эволюционизмом, но не придерживаться этой теории в это время было опасно не только для карьеры, но иногда и для жизни. С.П. Толстов, до этого опубликовавший несколько работ, связанных с теоретическими проблемами этнологии и историологии первобытности (как отмечают специалисты, у С.П. Толстова был высокий потенциал именно теоретика науки – (Рапопорт, Семенов 2006: 211 и сл.)), в конце 30-х гг. предпочел прекратить опасную теоретическую полемику по проблемам первобытности, переключившись на среднеазиатскую тематику и археологию. С.П. Толстов в ряде программных выступлений и работ (Толстов 1929 II: 331–332; Толстов 1938а: 3–53; Толстов 1938б: 176–203) продемонстрировал свою приверженность марксизму, более того – марризму. И во всех своих последующих археологических трудах в интерпретационной части неукоснительно придерживался идеи “классовой борьбы” и классической “пятичленки”⁹ в вопросах развития общественных формаций. Что, впро-

чем, не снижало ценности полученного археологического материала, его типологических и хронологических построений. После полного разгрома краеведения, которое в 20-х гг. сделало немало для сохранения исторического и культурного наследия в национальных окраинах¹⁰, после начавшихся репрессий, коснувшихся прежде всего гуманитариев (“Академическое дело” 1929–1930 гг., “дело славистов” и “дело Русского музея” – 1933–1934 гг.), Сергей Павлович, очевидно, рассматривал уход в среднеазиатскую тематику и связанный с этим отъезд в пустыню как способ выжить в такое время, тем более, что уже были репрессированы двое из его непосредственных учителей – профессор кафедры антропологии Б.С. Жуков (умер в концлагере в 1933 г.) (Формозов 2006: 202) и профессор этой же кафедры Б.А. Куфтин, сосланный в Вологду (Джапаридзе 1993: 247).

Волна репрессий, начавшаяся после убийства С.М. Кирова в 1936 г., могла накрыть каждого, даже если ты как ученый-гуманитарий позиционируешь себя как марксист и активно сотрудничаешь с советской властью. Над Толстовым, по образному выражению Ю.А. Рапопорта, постоянно висел “дамоклов меч” его происхождения: он был племянником белоказачьего полковника, вырвавшегося из “красных лап”, и внук белоказачьего генерала, расстрелянного Советами в 1920 г. (Рапопорт, Семенов 2006: 226)¹¹. И с этого времени Сергей Павлович обратился к теме древнего Хорезма и археологическим исследованиям этого уникального во многих смыслах региона. Так начинается история Хорезмской экспедиции – археологической “империи” Толстова, где он был единоличным правителем. Это его детище принесло ему широкую славу, обесмертило его имя, отняло у него все силы и здоровье, так что последние годы жизни он был лишен возможности не то, что руководить экспедицией, но даже приезжать туда.

Этот регион всегда вызывал особый интерес у ученых. Обычно широко цитируется высказывание выдающегося востоковеда В.В. Бартольда, неоднократно обращавшего внимание своих коллег на этот плодородный оазис в низовьях Амударьи: “В этнографическом отношении особенный интерес представляло бы изучение Хорезма {...}. В окруженном пустынями Хорезме, как в окруженной морями Англии, вся жизнь носила своеобразный уклад, и даже заимствованные извне черты обнаруживали особую живучесть” (Бартольд 1963: 206). Толстов не был первооткрывателем Хорезма, в чем он сам честно признается в предисловии к своему капитальному труду “По следам древнехорезмийской цивилизации”, вышедшему в 1948 г. (Толстов 1948а).

Из археологов до Толстова в Хорезме побывали А.Ю. Якубовский (1929), М.В. Воеводский (1934), ташкентский археолог Яхья Гулямов (1936), который первым открыл домусульманские древности Хорезма (исследовал оссуарный могильник Куба-тау в Левобережье). Сам Толстов впервые побывал на территории Хорезма в 1929 г. в составе историко-этнографической экспедиции РАНИОН, которой руководил П.Ф. Преображенский (Рапопорт 2000: 5; Иванова 1994: 110–119). Вот как сам Толстов описывает начало своих работ в Хорезме и то, почему именно Хорезм привлек его внимание:

Объектом своих полевых исследований автор избрал Хорезм. Выбор этот был не случайным. Автор связан по работе с Хорезмом еще с 1929 г., когда он впервые приехал сюда в качестве участника историко-этнографической экспедиции РАНИОН в Куна-Ургенский и Ходжейлинский районы. Эта экспедиция определила все направление последующей работы автора, в центре внимания которого, куда бы его ни отвлекали разнообразные привходящие задания, оставались история, этнография и археология этой своеобразной области Средней Азии, “Среднеазиатского Египта”, одной из древнейших культурных областей нашей страны. Полевые исследования, начатые в 1929 г., были продолжены им как руководителем Среднеазиатской историко-этнографической экспедиции Музея народов СССР, выполняя план которой, в 1932 и 1934 гг. автор посетил Хивинский, Турткульский и Чимбайский районы. Все эти работы, приводя автора к заключению об исключительной роли Хорезма в системе историко-культурных связей Средней Азии и евроазиатского Севера, также диктовали необходимость археологического углубления этих исследований (Толстов 1948: 8).

Однако истинное открытие Хорезма началось с первых разведывательных работ в 1937 г. А.И. Тереножкина, роль которого на начальных этапах существования Хорезмской экспедиции как-то замалчивалась, возможно, из ревности к первооткрывателю и из-за сложившихся впоследствии сложных взаимоотношений между двумя учеными. Интересно, что в своей автобиографии от 1934 г. А.И. Тереножкин описывает тяжелейшее положение своей семьи (он имел “правильное” происхождение из бедняков): после смерти отца его мать осталась одна с тремя ребятишками на руках, батрачила, пыталась заниматься сельским хозяйством, они сильно голодали. Далее Тереножкин пишет: “В условиях почти непрерывной фронтовой жизни годов гражданской войны и ограбления крестьян белоказаками генерала Толстова хозяйство у матери налаживалось плохо” (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 12). Он не указывает конкретно места, где это происходило, но далее речь идет о с. Пеньковка в Поволжье и о том, что старший брат его служил в Красной армии на Уральском фронте. Самой известной фигурой из казачьего клана Толстовых был дядя Сергея – Владимир Сергеевич, генерал-лейтенант. В 1919 г. он был избран казачьим сходом атаманом Уральского войска и командующим Уральской отдельной армией (*Рапопорт, Семенов* 2006: 185). Вряд ли Тереножкин пишет о казаках какого-то другого Толстова, не имеющего отношения к клану Сергея Павловича. Это мог быть либо дядя, либо дед – С.Е. Толстов. Кстати, мать А.И. Тереножкина происходила из деревни Толстовка этих же краев. Не здесь ли таились причины “классовой” вражды и взаимной неприязни? Сам С.П. Толстов в предисловии к “Древнему Хорезму” и в последующих своих двух монографиях, посвященных Хорезму, непременно указывает, что в 1937 г. именно он отправил А.И. Тереножкина, тогда аспиранта ИИМК, на разведку в Хорезм, и то, что именно руководство (т.е. С.П. Толстов) избрало местом проведения разведок Турткульский и Шаб-базский районы Каракалпакской АССР. Как указывал Толстов, здесь обращало на себя внимание большое число развалин, обозначенных на военных топографических картах (*Каульбарс* 1881; *Макшеев* 1851). Толстов выражал благодарность А.И. Тереножкину за участие в работах, но буквально в двух словах (*Толстов* 1948: 10). Если же и хвалил, то за работы на других памятниках, например, его раскопки на Ак-Тепе под Ташкентом, где Тереножкин работал в 1941 г., уже после того, как Толстов его “вытеснил” из Хорезма (*Толстов* 1948: 9). Несколько более подробно описывает роль и оценивает значение А.И. Тереножкина в первые годы работы Хорезмской экспедиции Ю.А. Рапопорт, указывая, что Тереножкин успешно провел фиксацию ряда археологических памятников и небольшие раскопки на развалинах Наринджана и в крепости Беркут-кала, а также первым сообщил о комплексе развалин Аяз-кала (*Рапопорт, Семенов* 2006: 193; *Рапопорт* 2000: 7). Сам Тереножкин описывает эту ситуацию совсем по-другому, утверждая, что первым, кто понял, какое место занимает Хорезм в древней истории нашей страны, был А.Ю. Якубовский, посетивший его в 1929–1930 гг. (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 16). Сам же он впервые попал сюда не в 1937 г. по заданию С.П. Толстова, а в 1934 г. в составе экспедиции М.Е. Воеводского: “Готовясь к экспедиции, я просмотрел всю доступную мне литературу, относящуюся к истории и географии нижнего течения Амударьи, зачастую сопровождавшуюся схемами и картами. Обращало внимание скопление городищ на правобережье Амударьи, простиравшееся до гор Султан-уид-даг и пустыни Кызыл-Кум. Там вдоль магистрального канала Гаврохе (Бычья голова) в X–XI вв. размещались цветущие селения. После нашествия Чингиз-хана они запустели. Эти местности казались особенно перспективными для поисков древних памятников доарабского времени” (Там же: 17). В статьях и книгах о Хорезме часто приводится волнующее описание С.П. Толстова того, как он первый раз увидел Топрак-калу (*Толстов* 1948а: 164, 165). Сергей Павлович действительно обладал литературным талантом. Описания Тереножкина менее поэтичны, но дают больше информации и подробностей тогдашнего быта и условий экспедици-

онной работы, без того налета героического романтизма, который так свойственен Толстому:

На каком-то утлом самолете прибыл в Хазарасп и на другой день отправился в путь, в направлении к Гюя-Муюну – месту, от которого берут начало основные оросительные каналы Хорезма. Предпринял это так, как усвоил в России: рюкзак, одеяло, котелок, немножко пищи. Я не замечал, как оценивают меня местные люди, мимо которых проходил. Спешил. Глубокий вечер застал меня у верховий больших каналов, вдоль которых шли могучие валы земли, извлеченной при их очистках. Съедали комары. Сварив пищу, вынужден был бежать дальше. Даже на гребнях валов нельзя было остановиться, чтобы удовлетворить голод. Так достиг Гюя-Муюна, и уснул над пропастью к Амударье, где комары меньше жалили” (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 17).

А.И. Тереножкин первым понял существенную разницу перспектив археологического исследования Левобережного и Правобережного Хорезма. В Левобережье большинство археологических памятников было уничтожено современными ирригационными системами и культивацией полей, в то время как на землях древнего орошения, то есть в Правобережном Хорезме, был настоящий археологический “Клондайк”, так как здесь в изобилии сохранились руины древних крепостей. Свои соображения Тереножкин изложил С.П. Толстому: “...и когда С.П. Толстов {...} зимой 36–37 гг. поставил вопрос о многолетней экспедиции в Среднюю Азию, я предложил вновь организовать поиск в Хорезме и начать его в Правобережье, имея в виду попытки найти памятники домусульманского времени” (Там же: 19). Тереножкин затрудняется определить свой статус, когда его направили в Хорезм (Турткульский район). Из научных сотрудников он был, по сути, один в экспедиции. Толстова в 1937 г. там не было, он был руководителем экспедиции в тот год лишь номинально. Основным результатом работ этого года (а Тереножкин проработал в очень сложных условиях с августа и до глубокой осени один с пятнадцатью казахами-рабочими) было открытие и первичное обследование знаменитого Беркут-калинского оазиса с его памятниками от античности до средневековья. “Выездом в район Беркут-кала определился главный результат экспедиции 1937 г. С него началось массовое открытие памятников доарабского античного Хорезма” (Там же: 21). Тереножкин также собрал около 200 монет (подъемный материал) и передал их С.П. Толстому вместе со своим отчетом. Показательно, что эти монеты были опубликованы Толстовым раньше (Толстов 1938), чем Тереножкин опубликовал свой отчет о разведках (Тереножкин 1940: 170–175). Оценив открывающиеся перед ним перспективы, С.П. Толстов в 1938 г. возглавил Хорезмскую экспедицию уже лично, проведя в поле около полугода и проделав огромный объем работ. В ходе Правобережного маршрута были обследованы следующие памятники: городище Турткуль, крепость Гульдурсун Большой, стоянка № 1 у Тешик-кала, Беркуткалинский оазис, замки № 1–49, крепость Кум-баскан-кала, дом около Кум-баскан-калы, такыры около Наринджана, крепость Кой-Крылган-кала, замок Адамли-кала, крепости Кузы-Крылган-кала, Ангка-кала, дом к востоку от крепости Ангка-кала, поселение в 100–250 м к северо-западу от крепости Ангка-кала, Ангка-кала, замок № 1, крепости Базар-кала, Джанбас-кала, Кургашин-кала, Кырк-Кыз-кала № 2 (Малая), Кырк-Кыз-кала № 1 (Большая), комплекс Аяз-кала (№ 1–3), усадьбы в окрестностях Аяз-кала № 3, крепости Кават-кала (и прилегающие такыры), Топрак-кала, Кызыл-кала, городище Шаббаз. Виды работ – сбор подъемного материала, топосъемка, шурфовка (Хроника работ Хорезмской экспедиции, электронная база данных). А.И. Тереножкин принимал участие еще в двух полевых сезонах (1938 и 1939 гг.), но если в 1937 г. – он был единственным начальником единственного отряда, в 1938 – уже совместно с С.П. Толстовым и с Я.Г. Гулямовым, то в 1939 г. он вообще не упоминается в качестве руководителя работ, хотя в экспедиции работал (Там же). Имея гораздо больший опыт археологических работ в Средней Азии, чем С.П. Толстов¹², и будучи прекрасным раскопщиком (он был учеником В.А. Городцова, одного из лучших методистов в российской археологии),

А.И. Тереножкин хотел защищать свою кандидатскую диссертацию по домусульманским памятникам Беркут-калинского оазиса¹³, но встретил противодействие со стороны руководителя экспедиции С.П. Толстова (*Бидзиля, Полин* 2012: 643). В 1939 г. А.И. Тереножкин перебирается в Ташкент, становится там научным сотрудником Института истории и археологии АН Узбекской ССР, много и плодотворно работает на самых известных домусульманских памятниках – Ак-тепе, Афрасиабе, Пенджикенте. Исследователь, работая на Афрасиабе с мизерными средствами, практически в одиночку разрабатывает историко-археологическую периодизацию культур Средней Азии от начала раннего железного века до раннего средневековья. Эта периодизация используется до сих пор. Его гипотеза о сформировавшемся древнейшем Самарканде, уже прошедшем архаическую стадию протогорода, блестяще подтвердилась результатами современных исследований (*Shishkina* 1996: 81–100; *Иневаткина* 2002: 24–51), а руководители французской миссии, работающей на Афрасиабе с 1988 г. академик, П. Бернар и профессор Ф. Грене считают его первым профессиональным и успешным исследователем Афрасиаба (*Grenet* 2005: 1046–1047). В 1948 г. Алексей Иванович уезжает из Ташкента в Киев, где его талант ученого был оценен по достоинству, он становится одним из ведущих советских скифологов и удостоивается, наконец, официального признания и почестей. Но до конца своих дней (он умер в мае 1981 г.) он с болью и обидой вспоминал “отнятый” у него Хорезм. Я сделала это “лирическое” отступление не только из чувства почтения, которое испытываю к этому замечательному ученому¹⁴. Мне думается, что ситуация, сложившаяся на начальном этапе работ Хорезмской экспедиции, оказалась в итоге судьбоносной для обоих ученых, хотя и несправедливой по отношению к одному из них. Безусловно, только С.П. Толстов с его энергией, честолюбием и размахом способен был превратить маленькие, скудно экипированные отряды полуголодных энтузиастов в крупнейшую экспедицию Советского Союза с прекрасной (для своего времени) материально-технической базой, с размахом работ, охватившим огромные территории, с привлечением такого широко круга специалистов и с такой, как сказали бы сейчас, PR-кампанией. Тереножкин же, в конечном счете, обрел свою счастливую судьбу за пределами Хорезма и Средней Азии.

Работая с архивными альбомами Хорезмской экспедиции 1939 г., мы обнаружили среди набросков, схем и чертежей, выполненных штатным художником экспедиции Н.П. Толстовым, братом Сергея Павловича, замечательный рисунок, схематично, но выразительно представляющий тогдашнюю экспедицию (1939 г.) в виде армии, состоящей из различных подразделений (рис. 1) (Архив ХАЭЭ, ИЭА РАН, альбом № 82, 1939). Рисунок показывает экспедиционную “армию” как бы сверху и в перспективе (по рисунку сверху вниз). В “тылу” (в самом верхнем ряду) изображен лагерь в виде четырех юрт с дымящимся костром посередине. Рядом с костром – фигурка “присматривающего за огнем”. На лагере надпись (почерк довольно неразборчивый), которая читается как “Джайшиллик” (название местности?). Второй сверху ряд – пять пар верблюдов идущих цепочкой в одну сторону, пять человеческих фигурок (по одной возле каждой пары) с подписями над ними – очевидно, “верблюдоводы”. Этот термин употребляет С.П. Толстов, называя так местных казахов, экспедиционных помощников и проводников, которые предоставляли также своих верблюдов для транспортировки экспедиционной поклажи, воды и самих археологов (*Толстов* 1948а: 29). Интересно, что некоторые помощники из местных были приглашены и впервые упоминаются А.И. Тереножкиным еще в экспедиции 1937 г. Например, Сансыбай Урюмов, с которым Алексей Иванович выезжал на его верблюдице в Беркут-калинский оазис (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 21). С этим же проводником-верблюдоводом, перешедшим, очевидно, по наследству от Тереножкина, уже в 1938 г. С.П. Толстов, следуя с базы в Тешик-кала и совершив тяжелый переход через пески, вышел к крепости Кой-крылган-кала (*Толстов* 1948а: 29). Среди погонщиков на рисунке Сансыбай Урюмов как будто не значится. Зато легко читается имя другого легендарного

проводника экспедиции в первые годы работ – Бек-дилля. Он сотрудничал с экспедицией и после войны, Толстов его очень ценил и даже присвоил ему звание почетного рабочего (*Рапопорт, Семенов* 2006: 227)¹⁵. Бек-дилля был охотником – беркутчи, в архиве экспедиции хранятся его фото с любимым беркутом. Третий ряд, по-видимому, изображал рабочих из местных аулов и колхозов. Над крайним слева надпись – “Кукун”. Николай Павлович, скорее всего, записывал имена со слуха. Возможно, так он записал имя Кукана, старейшины, который возглавлял группу рабочих еще у Тереножкина в 1937 г. (Из жизни Алексея Тереножкина 2006: 21). Надписи над остальными фигурками в этом ряду напоминают скорее название поселков и колхозов, откуда приходили рабочие: “Эркибай” (возможно, Иркибай – поселение около точки 507, где проходил маршрут экспедиции), “Комун” – возможно, колхоз с распространенным в это время именем “Коммунар”, загадочный “Венус”, надпись над второй справа фигуркой – “Люксебмург”, скорее всего – Люксембург, и это явно не имя местного рабочего, а название колхоза¹⁶.

Следующий, самый длинный ряд из пятнадцати фигурок, представляет саму экспедицию – ученых, студентов, художников, архитекторов. Крайняя справа – ташкентская группа, состоящая из Гулямова и Тереножкина (в 1939 г. А.И. уже работал в Ташкенте); далее идет группа “Ашхабад” – надписи над фигурками Андр. (?) и Султан (возможно, С.С. Гасанов); далее группа из пяти человек, названная “Московское ополчение”. Надписи над фигурками (слева направо): Лев (возможно, Ельницкий Л.А.), Аркадий (возможно, Абрамович А.Я.), Иван (?), Нина (скорее всего Н.Н. Вактурская, постоянный сотрудник экспедиции), Ирина (И.В. Пташникова или И.Н. Тихомирова), Сугробов (Н.А. Сугробов – молодой археолог, охотник, во время войны был снайпером, погиб в боях под Москвой в 1941 г. (Толстов 1948а: 36)), далее идет группа из трех фигурок, обозначенная как “архитектурная дивизия”: Менни-Гирей (?), Пилявск. (Пилявский В.И.), Галанфер (?); крайняя справа группа, обозначенная как “Изобригада”, из двух фигурок: граф (возможно, М.А. Орлов, он прекрасно рисовал) и Н.П. (а это, надо полагать, сам Николай Павлович)¹⁷. И, наконец, внизу, то есть впереди всей “армии” – главная фигура – Толстов, и внизу подпись – “камандарм”. Это, безусловно, сам Сергей Павлович. Так, в голодном и беспокойном 1939 г. С.П. Толстов представлял себе почти военную структуру своей экспедиции, сказалась его “военная косточка”. В том же альбоме есть и эскиз будущей музейной экспозиции (рис. 2), выдержанной в “революционных” тонах, где два всадника, один из которых до боли напоминает канонический образ В.И. Чапаева в папахе (возможно, это сам С.П. Толстов?), а другой простер руку в характерном для той эпохи жесте, указывая, очевидно, на светлое будущее. На переднем плане изображен стенд с экспонатами из Топрак-калы и реконструкциями. А ведь это 1939 г.! Топрак-кала в предыдущем сезоне (1938 г.) была только обнаружена. Раскопок на ней еще не проводилось, только сбор подъемного материала, топосъемка и шурфовка, а Сергей Павлович свято верил, что материалы Топрак-калы займут центральное место в музее будущего, и не ошибся. “Светлое будущее”, на которое указывал один из музейных всадников, оказалось войной. Проработав еще один сезон в 1940 г., Толстов со своей экспедицией смог вернуться в Хорезмские оазисы лишь в 1945 г.¹⁸

Поражает огромный объем работ довоенного периода Хорезмской экспедиции, ведь это всего четыре полевых сезона (правда, сезоны длились по полгода). Пешком или на верблюдах пройдены тысячи километров по Правобережью и Левобережью Амударьи (карта-схема работ ХАЭЭ 1937–1940 гг., архив Центра евразийской археологии ИЭА РАН), открыты и зафиксированы десятки памятников, сделаны зарисовки и проведена топосъемка большинства открытых памятников, собран огромный подъемный материал, наконец, проведены стационарные раскопки (неолитическая стоянка Джанбас-кала 4, раннесредневековый замок Тешик-кала, замки № 34 и 36 в Беркут-калинском оазисе, крепость Аяз-кала 3, Кават-кала). Прежде всего были обследованы

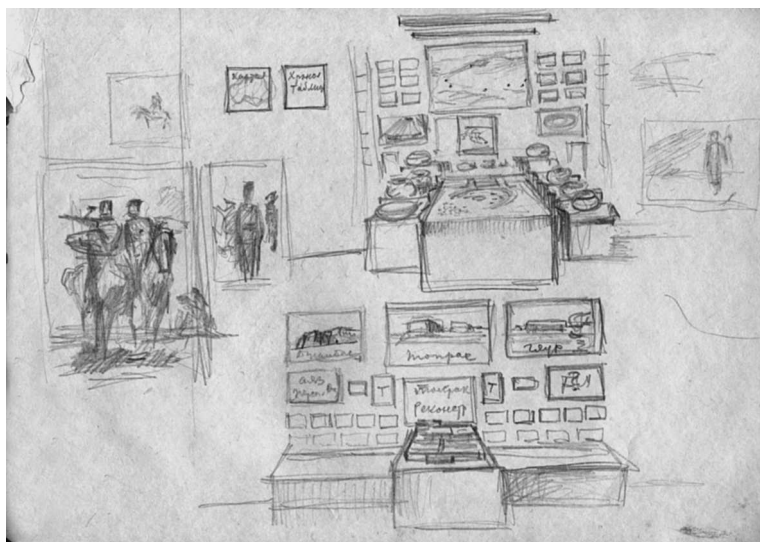

Рис. 2. “Музей будущего”, набросок из альбома
(Архив ИЭА РАН, архив ХАЭЭ, альбом № 82, 1939 г.)

памятники, которые легли в основу периодизации истории древнего и средневекового Хорезма. Именно в этот период вырабатывалась особая методика раскопок сырцовой архитектуры. Материалы предвоенных лет были опубликованы в нескольких статьях и отчетах (Толстов 1939; Толстов 1939а; Толстов 1939б; Толстов 1940; Толстов 1941; Тереножкин 1940; Тереножкин 1940б; Ершов 1941) и, наконец, в двух монографиях С.П. Толстова “Древний Хорезм” и “По следам древнехорезмийской цивилизации”, вышедших в свет уже после войны, в 1948 г. (Толстов 1948; Толстов 1948а).

Второй этап: Героическая эпоха, или “золотой век” Хорезмской экспедиции. Расцвет Империи. Послевоенные годы, вплоть до 70-х, были наиболее плодотворными и успешными для Хорезмской экспедиции, ее создателя и участников. С.П. Толстов в это время достиг вершины своей карьеры. Во время войны С.П. Толстов организует в Москве Институт этнографии и становится его директором (с 1942 по 1965 г.). С 1939 по 1951 г. он заведует кафедрой этнографии и одновременно является деканом исторического факультета МГУ. На короткий срок, с 1950 по 1951, С.П. Толстов занимает должность директора Института востоковедения. С 1949 по 1954 является ученым секретарем Президиума АН СССР, а с 1951 по 1964 г. – председателем Российского палестинского общества. В 1953 его избирают член-корр. АН СССР, в 1956 г. – академиком АН Узбекской ССР. С.П. Толстов являлся также Почетным член-корр. АН ГДР (3.X.1956); Заслуженным деятелем науки Таджикской ССР (1951) и Кара-Калпакской АССР (1957), Лауреатом Государственной премии СССР I степени за научный труд “Древний Хорезм”¹⁹ (9.IV.1949) (Милибанд 1977: 550, 551). В это же время Толстов и его труды получают широкую известность и признание за рубежом. Его положение в академических кругах и высокие должности позволили расцвести в полной мере его таланту организатора науки. Его героическое военное прошлое (выход с отрядом из окружения, тяжелое ранение) “искупили” его “классово чуждое” происхождение. Несмотря на то, что ему пришлось еще раз каяться, теперь уже отрекаясь от “марксизма” (после публикации в 1950 г. известной статьи И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”), позиции Толстова оставались достаточно сильными. Он сумел добиться серьезного финансирования Хорезмской экспедиции, привлекая также значительные финансовые ресурсы республиканских Академий наук, “новостро-

ечные” и хоздоговорные деньги, что обусловило огромный размах экспедиционных работ.

С.П. Толстов вернулся в Хорезм сразу же после окончания войны, в 1945 г. Послевоенное десятилетие отмечено исследованием таких памятников, как Топрак-кала и Кой-Крылган-кала, принесших широкую известность Хорезмской экспедиции и славу С.П. Толстову лично. Здесь он проявил себя как замечательный стратег в проведении широкомасштабных экспедиционных работ. Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследования (сказалась школа Д.Н. Анучина и Б.С. Жукова), Толстов реорганизовывает свою экспедицию в комплексную археолого-этнографическую (так появилась знакомая всем аббревиатура ХАЭЭ). Этнографическую часть экспедиции возглавила этнограф Т.А. Жданко, бывшая многие годы и заместителем Толстова. Таким образом, в работах экспедиции участвовали сразу несколько этнографических отрядов, выполняя собственные задачи (Жданко 1981). Археологические работы делились на несколько видов: стационарные раскопки, поисковые разведки и маршруты, в ходе которых не только фиксировались и наносились на карту вновь открытые памятники, но и проводилась топоъемка, сбор подъемного материала, делались зарисовки и снимались архитектурные замеры. Основные силы экспедиции сосредотачивались на стационарных раскопках какого-нибудь одного памятника: в 1945–1950 это была Топрак-кала, в 1952–1957 – Кой-Крылган-кала. Впоследствии, когда сформировался костяк экспедиции (это произошло на Топрак-кале), в ней функционировало несколько самостоятельных археологических отрядов во главе с учениками Толстова, которые вели стационарные раскопки на разных памятниках одновременно. Объем получаемых новых археологических данных был колоссален. Особенно поражает воображение современного археолога то, что работы проводились на очень высоком методическом уровне (ведение полевой документации признано среди специалистов по среднеазиатской археологии эталонным), а также то, что Толстов сумел так организовать работу ХАЭЭ, что большинство вновь полученных данных немедленно публиковалось и вводилось в научный оборот. Ни одна из существовавших и существующих ныне экспедиций не может похвастаться столь внушительной библиографией (около 900 различных публикаций)²⁰. Мне не имеет смысла перечислять все научные достижения и открытия, совершенные в послевоенные годы “золотого века” Хорезмийской экспедиции (это неоднократно сделано в официальных хрониках). Достаточно сказать, что практически по всем памятникам, где проводились стационарные раскопки, были опубликованы монографии и сборники, не считая ежегодно публикуемых отчетов и статей.

Мне хотелось бы обратить особенное внимание на ту обстановку, в которой проходили эти послевоенные полевые сезоны, какая атмосфера царила в экспедиции и как велась конкретная работа. По рассказам, воспоминаниям и неофициальным комментариям “хорезмийцев”²¹, а также богатейшему фотоархиву той поры реконструируется удивительная атмосфера хорезмийских экспедиций. В 1945–1950 гг. на Топраке сформировался основной костяк ХАЭЭ. Сюда приехали в 1946 г., демобилизовавшись из армии, Ю.А. Рапопорт и Ю.В. Кнорозов, а девушек-студенток кафедры археологии и этнографии было гораздо больше: дочь Толстова Лада, М. Итина, О. Вишневская, С. Трудновская, Е. Неразик, М. Воробьева, М. Рожанская, Г. Латышева. Из тех, кто работал с С.П. Толстовым еще до войны, здесь были два архитектора – Марк Орлов и Вадим Пентман, студентки-археологи Тамара Равдина, Ирина Пташникова и Нина Вактурская. Школу Топрак-калы и затем Кой-крылган-калы прошли практически все “хорезмийцы”. На раскопках работали местные рабочие. Весь комплекс (дворец Топрак-калы) был поделен на участки (по одному или несколько помещений), исследования которых самостоятельно вели студенты и аспиранты. Полевые дневники с записями и зарисовками я рекомендовала бы современным студентам-археологам в качестве эталонов для обучения полевой методике. На протяжении всего периода существо-

вания отличительной чертой Хорезмской экспедиции являлось обязательное и широкое привлечение профессиональных архитекторов и рисовальщиков, без которых было немыслимо исследовать столь грандиозные архитектурные комплексы. Это такие замечательные специалисты, как М.А. Орлов, М.С. Лапиров-Скобло, В. Пентман, художники Н.П. Толстов, И.В. Савицкий, Г.М. Баев. Поскольку именно в это время на Топрак-кале были найдены первые фрагменты живописи и скульптуры, то роль художников и рисовальщиков, выполнявших прорисовки, рисунки скульптур и копии живописи, невозможно переоценить. Сейчас эти рисунки составляют “золотой фонд” архива ХАЭЭ.

Хорезмская экспедиция в послевоенные годы стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций Советского Союза. Как писала М.А. Итина, “С.П. Толстов добился в те трудные времена огромной поддержки для своей экспедиции, как от центрального правительства, так и от местных властей Кара-Калпакской республики. Одновременно в разных районах Средней Азии работало по несколько отрядов. В их распоряжении были самолеты, портативные электростанции, целые караваны специальных автомобилей” (Итина 1997: 190). Торжественность и бравурность этих слов вполне оправдываются жанром статьи – она написана в честь 90-летия С.П. Толстова и 60-летия ХАЭЭ. Все это, безусловно, правда, но в жизни все было гораздо сложнее. В 1945–1946 гг. еще не было специального оборудования. Только в 1947 г. появились первые грузовые машины – списанные военные полуторки. К ним прилагались так называемые “шалманы” – бревна, которые крепились к бортам машины. Без этих “шалманов” шоферы в пустыню не выезжали, т.к. только с помощью этих бревен можно было вытащить машину, увязшую в песке (Рожанская 2013). Со временем у Хорезмской экспедиции появились и целый автопарк от базы АН СССР, и своя экспедиционная база в Нукусе, где хранилось оборудование и куда собирались все отряды, прибывавшие сюда из разных регионов работ перед отправкой в Москву²².

Что касается экзотических белых френчей и тропических пробковых шлемов, то их раздобыл зам. начальника М.А. Орлов на складе британского ленд-лиза после войны (Вишневская 2013). Эти пробковые шлемы, запечатленные на множестве архивных фотографий, и создали незабываемый “имперский” имидж экспедиции (рис. 3). Как рассказывали его сотрудники, вечерами у костра он читал им стихи, в том числе Николая Гумилева, Киплинга, ему был близок пафос первопроходца, первооткрывателя. Может быть, отсюда и эта скрытая тяга к “имперской” атрибутике (Там же 2013). Что было действительно бесценно и удивительно, по воспоминаниям участников экспедиций послевоенных лет, так это небывалый подъем и энтузиазм. Все работали на износ и с полной самоотдачей, побаивались, но и любили “Шефа” (Толстова С.П.) и чувствовали себя счастливыми и свободными. Конечно, сказывалась послевоенная эйфория, и счастьем было уже то, что люди выжили после репрессий, войны и голода и занимались при этом любимым делом. А ведь время было очень тяжелое, голодное²³. В официальных отчетах этого, конечно, не прочтешь, но М.М. Рожанская вспоминает, что в 1946 г. в лагере на Топрак-кале случился пожар, уничтоживший большую часть оборудования и продуктов²⁴. Это никоим образом не сказалось на работе экспедиции, хотя восполнить потери практически не представлялось возможным (поэтому ели весь сезон мучную затирку и местные дыни и арбузы, в спальниках спали по очереди, или использовали в качестве постелей телогрейки, часто положенные прямо на такыр). Работали почти все время весь световой день (“световик”) по терминологии археологов), при этом умудрялись устраивать спартакиады и вечера (и даже ночи) художественной самодеятельности. Отчеты о художественной самодеятельности производили хорошее впечатление на начальство, но на деле эти мероприятия отнюдь не отличались идеологической выдержанностью в духе времени. В 2001 г. Ю.А. Рапопором были опубликованы “Песни Хорезмской экспедиции 1947–1955” с его же комментариями

Рис. 3. Нивелировка памятника (фотоархив ХАЭЭ, архив ИЭА РАН)

(Рапопорт 2001). Прочитав то, что раньше мне было известно только из устной традиции, я не могла не подивиться тому духу свободы, который царил в этой экспедиции в то время. Это означает только одно: участники экспедиции чувствовали себя достаточно защищенными мощной фигурой Толстова, который брал на себя общение с руководством, часто отстаивая интересы истфака, студентов и своих сотрудников (Рапопорт, Семенов 2006: 199). И еще одна характерная деталь, на которую нельзя не обратить внимания. В разгар борьбы с “безродными космополитами” в экспедиции Толстова, включая постоянный штат, было до 80% “лиц еврейской национальности”, что наглядно демонстрирует независимую позицию С.П. Толстова в этом вопросе. Это была позиция смелого и сильного человека, учитывая общую атмосферу того времени²⁵. По свидетельству многих сотрудников, С.П. Толстов вообще не терпел никакого проявления антисемитизма, даже на уровне шуток. За время борьбы с “безродным космополитизмом” из института не был уволен ни один человек (Рапопорт, Семенов 2006: 203).

Бесспорная заслуга С.П. Толстова – применение аэрометодов, беспрецедентное по своим масштабам в это время не только для нашей страны, но и для мировой археологии. Это была, целиком и полностью, инициатива С.П. Толстова, но распространенный миф о том, что в его распоряжении была чуть ли не целая эскадрилья, приданная ему специально с научно-исследовательскими целями, не соответствует действительности. На самом деле начиная с 1947 г. и несколько лет подряд экспедиция заказывала (сметой было это предусмотрено) 2–3 небольших самолета системы ПО-2 на Нукусском аэродроме. Самолеты принадлежали гражданской авиации (еще один миф заключался в том, что это был военизированный авиаотряд). Заказывали их не на весь сезон, так как стоило это очень дорого. Поэтому полеты все тщательно планировались, так же тщательно продумывались наземные маршруты в сочетании с авиамаршрутами. Сначала предполагаемый маршрут прорабатывался по крупномасштабной карте и предварительно сделанным аэрофотоснимкам, после чего совершался полет на небольшой высоте для визуального обследования предстоящего пути. И только после этого проводился наземный маршрут, сопровождавшийся сбором подъемного материала, подробной фиксацией памятников, а иногда и разведочными раскопками. В том случае, если на пути машин вставали непроходимые пески, использовались верблюды, но только для транспортировки воды, продуктов и поклажи (Итина 1997: 191). Большие и дол-

современные маршруты велись чаще самим Сергеем Павловичем. В полетах принимали участие также его заместитель архитектор М.А. Орлов, фотограф и кинооператор (в 1947 г. это был К. Мухаммедов). Удивительно то, что за несколько лет была сделана аэрофотосъемка огромной территории, выявлены сотни новых памятников и ирригационных сооружений. Именно с помощью аэрофотосъемки Сергей Павлович открыл для науки в низовьях Сырдарьи в конце сороковых годов Джеты-Асарское урочище второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. (Толстов 1948а), которое впоследствии на много лет стало объектом исследований Л.М. Левиной (Левина 1992, 1996).

Созданный архив аэрофотосъемки (около 3000 снимков) до сих пор не имеет аналогов в мировой археологической практике, научная ценность его колоссальна. Я бы назвала это “архивом утраченных ландшафтов”, так как создавался он в 40–50-х гг. прошлого столетия, а с тех пор ландшафт Приаралья значительно изменился не в лучшую сторону.

Развернувшиеся с начала 1950-х гг. комплексные археолого-геоморфологические работы (в них принимали участие профессиональные геоморфологи, гидрологи, геологи и почвоведы) на территории Южной Акчадарьинской дельты сопровождались специальной крупномасштабной аэрофотосъемкой и дешифрированием ее данных на местности. Для обучения правилам ведения такой съемки С.П. Толстов направил на специальные курсы инженера, сотрудника экспедиции Н.И. Игонина. Дешифрированием на местности данных аэрофотосъемки занимался специальный топографический отряд под руководством Б.В. Андрианова.

Толстов, будучи ученым “советской формации” во всех смыслах этого понятия, рассматривал археологию не только как источник новых знаний о прошлом, но и стремился использовать эти знания применительно к современным нуждам народного хозяйства. Так, им владела идея о новом возрождении земель древнего орошения аллювиальных дельтовых равнин Амударьи и Сырдарьи. А поскольку такие проекты начали разрабатываться на очень высоком уровне и разной ведомственной основе уже в 1950-е гг., то эти мечты счастливо (для археологии) совпали с правительственными проектами освоения пустынных и залежных земель в этом регионе и, что имело особенное значение для Хорезмской экспедиции, с такими грандиозными планами, как переброски части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию²⁶. Здесь проявился талант С.П. Толстова как организатора науки. Хорезмская экспедиция была приглашена к участию в этом проекте. Это давало возможность вести большие хозяйственные работы, что значительно увеличивало смету экспедиции. Задачей археологов было составить историческую карту будущей трассы канала и нанести на нее археологические памятники, которые впоследствии могли быть затронуты земляными работами и подтоплениями. Несколько исторических карт было составлено на основе широко-масштабных исследований на хозяйственные деньги. Новое хозяйственное освоение дельтовых равнин, о котором мечтал Сергей Павлович, не во всем могло быть реализовано, тем не менее многое удалось сделать, особенно в связи с последовательным изучением древней гидрографии (Итина 1997: 196–198).

В 50-е гг. приходит и международное признание. В 1956–1958 гг. Толстов выступил с циклом лекций, посвященных памятникам древнего Хорезма и проблеме древних течений Амударьи. Он читал лекции в Лондонском, Кембриджском и Оксфордском университетах, в Музее Гимэ в Париже, в Итальянском институте Среднего и Дальнего Востока в Риме, в Алигархском университете и в Бомбейском обществе в Индии. Он был лично знаком со знаменитым теоретиком первобытности и археологии В. Гордоном Чайлдом (Рапопорт, Семенов 2006: 206). Междисциплинарными исследованиями экспедиции С.П. Толстова интересовался другой выдающийся американский археолог, “отец неолитической революции” Роберт Брейдвуд (Клейн 2011, т. II: 44). Появились зарубежные публикации о Хорезмской экспедиции и ее достижениях.

ях и даже переводы монографии Толстова на европейские языки (Chard 1957; Tolstov 1951; 1950; 1958). За эти годы в Хорезмской экспедиции сформировалась целая школа “хорезмийцев”, откуда вышли ведущие специалисты по археологии Средней Азии: М.А. Итина, Е.Е. Неразик, Б.И. Вайнберг, Л.М. Левина, А.В. Виноградов, Ю.А. Рапопорт, О.А. Вишневская, М.Г. Воробьева, Н.Н. Вактурская и др. Все они сформировались под влиянием и работали под эгидой С.П. Толстого, ученого и единовластного правителя своей археологической “империи”, где они чувствовали себя достаточно защищенными. М.А. Итина вспоминала такой эпизод: «Нас с ним с течением времени связало многое, но прежде всего Хорезм. В его последний полевой сезон, на Тагискене, мы все по какому-то поводу с ним поспорили. А он не стал нам возражать и только сказал: “Плохо вам будет без меня”. Нам действительно плохо без него, хотя его нет с нами уже более тридцати лет» (Итина 1997: 198). Эта преданность “Шефу” и убежденность, что после его ухода Хорезма как такового не станет, породило чувство обреченности у “хорезмийцев”, нежелание создавать свою школу для продолжения археологических работ в Приаралье. Так, Н.Ю. Вишневская в своих воспоминаниях точно подметила это настроение у своих родителей: “Родители очень хотели, чтобы я сразу поняла, что археология – это не романтическое приключение, а тяжелый труд. Они надеялись отвлечь меня от мысли стать археологом, тем более среднеазиатским археологом, считая это направление обреченным, особенно после болезни и отхода от дел С.П. Толстова. В этом они ошибались: Хорезмская экспедиция надолго пережила своего создателя” (Вишневская 2013).

В 1951 г. с С.П. Толстовым случился первый инсульт, явившийся результатом чудовищных перегрузок, нервного напряжения, ответственности и огромного объема работ, взваленного им на себя. Если после первого инсульта Сергей Павлович сумел восстановиться и вернуться в экспедицию, в свою любимую пустыню, то после второго инсульта, случившегося в 1964 г., он уже не смог оправиться и фактически отошел от экспедиционной и руководящей деятельности. Символичен эпизод, описанный Рапопортом: “Случилось так, что Тагискен оказался последним археологическим памятником, на котором работал Сергей Павлович. И как бы прощаясь с ним, один из курганов, который копала С.А. Оленич, подарил огромный железный меч” (Рапопорт, Семенов 2006: 208; Берестов 1964: 129–222).

После смерти С.П. Толстова в 1977 г. экспедиция продолжила свои работы, но размах их был уже не столь впечатляющим, хотя результаты были значительными.

Последний этап. Философия “эскапизма”. Закат Империи. Последний этап работ продлился до 1997 г., когда закончили работу последние отряды, работавшие под “грифом” ХАЭЭ. В 80–90-е гг. продолжали работы отряды Б.И. Вайнберг и С.М. Колякова на Калалы-Гыр в Левобережном Хорезме (1991), отряды Л.М. Левиной в Джеты-Асарском урочище в Казахстане (1991), отряд А.В. Виноградова на неолитических стоянках в Самаркандской обл. (1991), последние работы под “грифом” ХАЭЭ – работы отряда С.Б. Болелова на поселении Хумбуз-тепе в Хорезмской обл. Узбекистана (1996, 1997). После смерти С.П. Толстова бюджетное финансирование уже не было таким щедрым. Зато появились новые возможности хоздоговорных работ. Продолжался еще проект “переброски сибирских рек” (он был остановлен в 1986 г.), по нему работало несколько отрядов под руководством М.А. Итиной и А.В. Виноградова. В 1974–1976 гг. О.А. Вишневская копала цитадель городища Джигербент на левом берегу Аму-Дарьи. Строилось Тюямуонское водохранилище – и памятник должен был уйти под воду (Вишневская 2013). Самыми крупными в 80–90-х гг. были работы Л.М. Левиной в Джетыасарском урочище, обнаруженном С.П. Толстовым еще в 40-х гг. в ходе авиа-разведок (Левина 1992, 1996). В 90-е гг. эти исследования финансировались в основном за счет строительных работ, проводимых в этом регионе командованием объекта особого назначения – космодрома Бойконур. В Джигербенте, на Асарах, на Калалы-Гыре сложился особый коллектив, состоявший из археологов и историков уже моего

поколения. Это была наша зона контакта с Хорезмом и легендарными “хорезмийцами”. Здесь, в этой контактной “зоне”, сформировались и сложились такие ученые, историки и археологи, как Л.А. Беляев, Л.Т. Яблонский, Н.Ю. Вишневская, Е.В. Переводчикова, А.Н. Гертман, Е.А. Армарчук, С.Б. Болелов, С.М. Коляков, В.Я. Петрухин. Даже если в дальнейшем специализация некоторых из них отошла далеко от хорезмийской тематики, Хорезм все равно оказал на них определенное влияние. Для всех нас эта экспедиция стала своеобразным убежищем, сюда мы в 70–80-е гг. уезжали от неразрешимых проблем в Москве (главная из которых была – проблема с трудоустройством по специальности), чтобы заниматься здесь своим любимым делом. Здесь же нашли убежище и некоторые “рефьюзники” в ожидании разрешения выезда в “землю обетованную” (С.М. Коляков, Н. Май). Здесь же появилась в 70-е гг. в отрядах О.А. Вишневской и Л.М. Левиной группа экзотических для этих мест литовских архитекторов, выпускников Вильнюсского архитектурного института. Точно неизвестно, кто именно был инициатором их первого появления в этих краях, но в Среднюю Азию они, как и мы, сбегали от неразрешимых проблем, типичных для молодежи эпохи стагнации СССР. Их стараниями были отрисованы и очерчены многие памятники Хорезма и Джеты-Асар. Авторитет “хорезмийцев” был для нас непререкаем, но уже тогда намечались и разногласия как в методике раскопок, так и в интерпретации полученных данных. Но молодым не полагалось высказывать сомнения. В силу обстоятельств и условий, в которых работали “хорезмийцы”, предпочтителен был экстенсивный метод раскопок, когда больше внимания уделяется планиграфии, чем стратиграфии. С другой стороны, такое внимание к планиграфии объясняется богатством архитектурных остатков и обилием выразительных находок в зоне исследования. Это всегда провоцирует и оправдывает бесконечное расширение исследуемой площади. Надо иметь в виду и то, что для такого экстенсивного исследования в период расцвета Хорезмской экспедиции существовали все условия. Так, например, Е.Е. Неразик за несколько сезонов со своим отрядом исследовала и раскопала около 300 раннесредневековых усадеб.

Уже на моей памяти было и постепенное сокращение археологических работ последних отрядов ХАЭЭ, и уход из жизни многих выдающихся хорезмийцев “героической эпохи” – А.В. Виноградова, М.А. Итиной, Ю.А. Рапопорта, Б.И. Вайнберг. Судьба Хорезмской экспедиции и “хорезмийцев” чем-то напоминала тот исторический ландшафт, изучению которого они себя посвятили: мощные воды двух рек – Амударьи и Сырдарьи, по мере приближения к Аралу (к своему концу), разбивались на отдельные потоки, постепенно иссякающие и исчезающие, в конце концов, в песках пустыни.

Основные итоги работ ХАЭЭ на протяжении семидесяти лет:

- Исследованы территории площадью в несколько десятков тысяч километров (Южные Кызылкумы и Северные Каракумы, Прикаспийский регион, Восточное Приаралье, Низовья Сырдарьи и Амударьи).

- Раскопано, описано и обследовано около тысячи археологических памятников, принадлежащих разным эпохам.

- Создан банк данных аэрофотосъемки всей территории (около трех тысяч снимков).

- Издано двадцать пять томов трудов экспедиции. Библиография по Хорезму и материалам Хорезмской экспедиции включает более тысячи наименований.

- Коллекции находок насчитывают десятки тысяч единиц хранения и размещены в центральных и республиканских музеях.

- Архив ХАЭЭ насчитывает несколько тысяч единиц хранения.

Аналогов подобной экспедиции до сих пор в мировой практике нет.

Из воспоминаний Н.Ю. Вишневской:

Я могу ошибаться, но мне представляется очевидным, что Толстов создавал экспедицию, как свой мир, свободный от городских интриг, где он делал большую науку и отдыхал душой с людьми, которым доверял. Этот мир он укреплял и оберегал всеми доступными способами. Разумеется, не все было идеально. Но в целом задуманная

Рис. 4. С.П. Толстов на раскопе. Прощание с Хорезмом
(фотоархив ХАЭЭ, архив ИЭА РАН)

и реализованная конструкция оказалась необычайно прочной: чтобы разрушить ее, потребовался распад СССР. За время существования этого разумного, свободного и яркого мира несколько поколений людей, профессионалов и любителей археологии, как образа жизни, были в нем счастливы» (Вишневская, 2013).

Из воспоминаний Ю.А. Рапопорта: «Незадолго до смерти много-много раз шеф просил перечитать ему Стругацких “Трудно быть богом”. Он почти непрерывно курил, иногда тихонько всхлипывал...» (Рапопорт, Семенов 2006: 210). Трудно что-либо добавить к этому печальному воспоминанию, разве что фотографию С.П. Толстова из архива (рис. 4).

Примечания

¹ Далеко не полный список литературы о жизни и трудах С.П. Толстова см.: Милибанд 1977: 551, 552.

² М.М. Рожанская (урожд. Геффен, 1928 г.р.), друг семьи Толстовых, старейший участник экспедиции, в том числе первых послевоенных лет (1945–1950), д.и.н, видный специалист по истории науки.

³ В 20-х гг. XIX в. происходит фактическое присоединение казахской степи к России (до этого времени она числилась российской территорией лишь номинально). Продвижение России в Среднюю Азию было также продиктовано желанием ослабить британские позиции в Азии, а упадок торговли с Китаем вызвал необходимость освоения среднеазиатского рынка для сбыта российских товаров. Эта целенаправленная политика царской России вызвала приток русских переселенцев на территории, ранее занимаемые киргиз-кайсаками (казахами). Выходцы из переселенцев в дальнейшем сформировали местную интеллигенцию, сыгравшую значительную роль в формировании местных музеев и краеведческих организаций. Первопроходцами же в географическом и археологическом изучении колониальных территорий стали военные, когда, учитывая военные и политические нужды Российского государства, офицеры Генерального штаба проводили рекогносцировку будущего театра военных действий. Сведения, поступавшие от военных, во многом формировали первоначальные представления ученых о туркестанских древностях (Смирнов 2011: 380). (Подробнее о присоединении Средней Азии к России и последствиях, имеющих значение для изучения среднеазиатских древностей см.: Бартольд 1925: 241–267; Халфин 1965; Присоединение Казахстана и Средней Азии к России 2008; Смирнов 2011: 287–364).

⁴ Подробно о репрессиях в среде ученых-гуманитариев см.: *Формозов* 2006 (особенно главы “Русские археологи до и после революции” и “Русские археологи и репрессии в СССР”); *Братчев* 1997; Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. 1998. Вып. 2; *Платонова Н.И.* Дело С.И. Руденко // Невский археолого-историографический сборник 2004: 152–153; Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. Как ни печально сравнение, но даже в нацистской Германии, когда после прихода Гитлера к власти в 1933 г. начались преследования инакомыслящих, репрессии против граждан собственной страны не были столь кровавыми. Так, неизвестно ни одного случая физического уничтожения ученых только по идеологическим соображениям. Несогласным с линией партии или отказывавшимся сотрудничать с властями “Третьего рейха” в эти годы была предоставлена возможность уехать. В худшем случае они теряли работу. Даже ученые еврейской национальности имели возможность в это время (до 1938 г.) эмигрировать и продолжить работу за рубежом. Показателен пример двух известных ученых, евреев по национальности. Герхард Берзу (*Gerhard Bersu*), известный специалист по первобытности (prehistorian), занимавший престижный пост директора Roemisch-Germanische Kommission, в 1935 г. был уволен со своего поста, еще три года пытался найти работу и в 1938 г. выехал в Англию, где продолжил плодотворно работать по своей специальности и возглавил археологические раскопки наиболее известных памятников первобытной эпохи в Англии. Профессор Марбургского университета, специалист по классической древности (античности), Пауль фон Якобшталь (*Paul von Jacobsthal*) был уволен из университета, уехал в Оксфорд, где написал и опубликовал в 1944 г. свою известную книгу по кельтскому искусству (*Hassmann* 2000: 65–140).

⁵ Первой инженерной мелиоративной системой, построенной за годы советской власти в Таджикистане, является Вахшская, включающая в себя Вахшский магистральный, Джиликуль-Кафырский и Кумсангирский каналы. В 1939 г. началось строительство Большого Ферганского канала им. Сталина, в 1959–1988 гг. строится Большой Каракумский канал и другие. В это же время построены Бозсуйская ГЭС (на канале Бозсу), каскад из шестнадцати ГЭС на р. Чирчик, крупные ГЭС на Сыр-Дарье–Фархадская, Кайраккумская (“Дружба народов” на территории Тадж. ССР) (Большая Энциклопедия Нефти и Газа. Раздел “Мелиоративные системы”).

⁶ Примерно в это же время или даже чуть раньше в Средней Азии организуются и начинают функционировать и другие крупные экспедиции. Это было связано с тем, что к середине 30-х гг. Средняя Азия была в основном замирена, завершился процесс национального размежевания Туркестана (1924–1936 гг.) и интересы науки и задачи советской власти в Средней Азии в известной мере совпали. Почти одновременно широко развернулись археологические работы в целом ряде других районов Средней Азии: Термезская комплексная экспедиция М.Е. Массона (1936–1938 гг.), экспедиция под руководством того же М.Е. Массона по трассе Большого Ферганского канала (1939 г.), большая экспедиция А.Н. Бернштама в Киргизии и в Юго-Восточном Казахстане (1933–1946 гг.), работы экспедиции В.А. Шишкина на западной окраине Бухарского оазиса в 1937 г., археологические работы по трассе Ташкентского канала им. Молотова (*Толстов* 1948: 8).

⁷ Биография, история образования, формирования научных интересов и взглядов, а также этапы карьерного роста и организаторской деятельности подробно изложены в биографическом очерке Ю.А. Рапопорта, лично знавшего С.П. Толстова и проработавшего с ним бок о бок и под его началом в Хорезмской экспедиции и институте много лет (*Рапопорт, Семенов* 2006: 184–210). Среди прочих статей о С.П. Толстове, носящих в основном официальный характер, работа Рапопорта, как я уже говорила, отличается сильной “человеческой” нотой, присущей Юрию Александровичу деликатностью и интеллигентностью. Не обходя молчанием “темные стороны этой многогранной натуры” (*Рапопорт, Семенов* 2006: 185), не скрывая своего отношения к факту участия Сергея Павловича в написании пресловутой статьи в печально известном номере “Историка-марксиста” в 1937 г. (*Арциховский и др.* 1937), Ю.А. Рапопорт сумел выразить уважение, любовь и признательность этому незаурядному ученому, создавшему и ревниво оберегавшему свое основное детище – Хорезмскую экспедицию. А.А. Формозов, описывая ситуацию с гуманитарной наукой в послереволюционной России и в годы репрессий, дает более жесткую оценку молодому поколению, пришедшему на смену профессуре и ученым дореволюционного образца, тем не менее в итоге относит С.П. Толстова к той плеяде молодых и энергичных ученых, которые ради любимой работы пошли на компромисс и сотрудничество с советской властью, что, в конечном итоге, позитивно сказалось на развитии науки в целом (*Формозов* 2006: 46–76). В конце концов, многие из них искренне верили в победу коммунизма и были марксистами. Кстати, сам Формозов считает, что эта статья была написана не только, чтобы

показать свою лояльность новой власти и приверженность новым идеям, но и для того, чтобы, обвинив во всем ленинградцев, вернуть московским археологам независимость, утраченную в 1931–1932 гг. (Формозов 2006: 71).

⁸ С.П. Толстов принадлежал к палеоэтнологической школе, сложившейся в середине 20-х гг. в Московском университете при Этнологическом институте и музее антропологии (на физико-математическом факультете). Школу возглавлял ученик Д.Н. Анучина Б.С. Жуков, у которого учился и работал в экспедициях С.П. Толстов. Приверженцы этой школы стремились восстановить по археологическим данным формирование древних этносов под влиянием природной среды (Клейн 2011, т. II: 11). Именно принадлежность к этой школе была причиной того, что С.П. Толстов организовал работы Хорезмской экспедиции, как комплексной, археолого-этнографической, и одним из первых стал применять в широких масштабах междисциплинарные, естественнонаучные методы.

⁹ Опираясь на изданные в СССР сочинения Маркса, Василий Васильевич Струве, видный советский востоковед-марксист, к 1933 г. разработал “пятичленку”, – парадигму смены пяти социально-экономических формаций: первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической, начальным этапом которой является социализм (таким образом, азиатская и античная формации сливались в одну). “Пятичленка” служила основой упрощенного понимания марксистской теории и до известной степени – орудием вульгаризации учения Маркса.

¹⁰ О разгроме краеведения, сопровождавшемся репрессиями и последующим установлением контроля за деятельностью местных музеев и краеведческих организации подробнее см.: Формозов 2006: 49, 50, 197–201; Акиншин 1992: 208–235. Выразительные архивные материалы, касающиеся деятельности и судьбы среднеазиатских обществ по охране памятников, опубликованы в статье Горшениной С.М. (Горшенина 2013: 52–68).

¹¹ Интересно, что сам С.П. Толстов никогда не скрывал своего происхождения. М.М. Рожанская в своих воспоминаниях пишет, что он даже нередко шутил по этому поводу (правда, уже в послевоенное время): “Дед был генералом (атаманом), отец – полковником, сам я – лейтенант, а дочери бы дожить до ефрейтора”.

¹² А.И. Тереножкиным в 1939–1940 гг. уже было опубликовано несколько проблемных статей по археологии Хорезма (Тереножкин 1939, 1940б, 1940в).

¹³ Так, А.И. Тереножкин первым осмыслил планировку раннесредневековых замков, на основании которых последующие исследователи уже разрабатывали свою типологию. Увидев сходство раскопанного им хорезмийского замка Тешик-кала с изображением на Аниковском блюде (что стало вслед за ним излюбленным сюжетом исследователей крепостной и замковой архитектуры), А.И. Тереножкин предположил происхождение последнего из Хорезма (Неразик 1966; Иневаткина 2007: 15).

¹⁴ Будучи студенткой, а потом и аспиранткой кафедры археологии истфака МГУ, я проработала 6 сезонов на Афрасиабе в экспедиции под руководством Г.В. Шишкиной, которая близко знала А.И. Тереножкина (ее отец, известный археолог В.А. Шишкин был в те времена, когда там работал Алексей Иванович, директором института археологии в Ташкенте). Имя Тереножкина было в нашей экспедиции постоянно на слуху. От Галины Васильевны в первый раз я услышала о периодизации Афрасиаба, сделанной Тереножкиным. Стратиграфические разрезы мы учились делать так же “по Тереножкину”. Летом 1980 г. я увидела на Цитадели невероятно худого, невысокого человека с выразительным и усталым лицом. Его сопровождала Галина Васильевна. По тому, как этот человек ходил по Цитадели, часто присаживаясь на сырцовые останцы, по тому, как он прикасался руками к паховым стенам, было понятно, что это не простой гость. Он говорил очень тихо и выглядел нездоровым. Галина Васильевна как будто его утешала и подбадривала. Вечером я узнала, что это был А.И. Тереножкин, что год назад умерла его жена, известный археолог Варвара Николаевна Ильинская. Он все никак не мог утешиться и приехал сюда, на Афрасиаб, потому что в Киеве ему было тяжело находиться. Речь даже шла о возобновлении его старого раскопа на внешней стене Цитадели. Меньше, чем через год Алексей Иванович умер. На дорогой его сердцу Афрасиаб он приезжал попрощаться.

¹⁵ Из воспоминаний М.М. Рожанской: «В составе экспедиции в 1947 г. было несколько местных жителей, работавших с Толстовым еще до войны. Одним из них был уже упоминавшийся старик Бекдия, теперь он уже числился “почетным рабочим”, а посему уже не кидал землю, а преимущественно спал на отвале, принимая почет и уважение со стороны членов экспедиции за былые заслуги» (Рожанская 2013).

¹⁶ Сразу вспоминается история, которую рассказывал Толстов во время вечерних посиделок у костра: «Маленький отряд сидит в 1938 г. у костра, окруженного глубокой мглой пустыни. Вдруг все насторожились, услышав хруст сухих веток. “Кто идет?” – “Карл Маркс”. И шаги быстро удалились. Потребовалось какое-то время, чтобы ошеломленные археологи сообразили, что ночной путник назвал свой колхоз» (*Рапопорт, Семенов* 2006: 184).

¹⁷ Фамилии и имена я попыталась идентифицировать по сохранившимся спискам (неполным) личного состава экспедиции довоенной поры. Они приводятся у Рапопорта (*Рапопорт, Семенов* 2006: 227), имена и фамилии тех, кто вел документацию, сохранились в Хронике работ ХАЭЭ (Архив ХАЭЭ, электронная база данных).

¹⁸ Годы войны и героическое участие в ней С.П. Толстова, а также его деятельность во время войны по организации науки, в частности, создание Института этнографии АН СССР, подробно описаны Ю.А. Рапопортом, получившим информацию из первых рук (*Жданко, Рапопорт* 1995; *Рапопорт, Семенов* 2006: 192–198). Об участии С.П. Толстова в военных действиях см.: *Паперный* 1945.

¹⁹ М.М. Рожанская так отзывается об этом труде и его авторе: «В сочетании с письменными источниками и этнографическими данными была подготовлена упомянутая диссертация, переработанная в книгу “Древний Хорезм”, вышедшую в 1948 г. и получившую в 1949 Сталинскую премию (Государственная премия СССР). Объем проделанной работы и по масштабу, и по разнообразию источников на разных языках поистине фантастичен, и это поражало тех, кому приходилось в связи со своей научной и организаторской деятельностью иметь с ним дело. (...) С.П. имел буквально фантастические лингвистические способности, что много способствовало исследованиям. В 60-х годах в беседах со мной известная арабистка, профессор МГУ и Института востоковедения Оде-Васильева говорила мне, что С.П. был лучшим из всех ее учеников за многие годы преподавания, а ведь он очень недолго имел возможность с ней заниматься» (*Рожанская* 2013).

²⁰ Наиболее полная библиографическая сводка по годам была составлена в ходе работ по проекту РГНФ (Е) № 96-0118039 “Банк данных по работам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии РАН 1937–1996 гг.” (руководитель проекта – Л.М. Левина). На момент завершения проекта – 1997 г. – библиография насчитывала около 800 названий. С этого времени к списку добавилось не менее двух десятков наименований (статей и монографий). Справочник так и не был опубликован. Банк данных существует в электронном виде.

²¹ Я слышала рассказы моего учителя проф. Г.А. Федорова-Давыдова, Б.И. Вайнберг, Ю.А. Рапопорта, М.М. Рожанской, Е.Е. Неразик. Особенно ценные материалы можно найти в воспоминаниях М.М. Рожанской, которая участвовала с 1946 г. в работах экспедиции. Много интересных подробностей об этом периоде мы узнаём от Н.Ю. Вишневской, дочери Ю.А. Рапопорта и О.А. Вишневской, хотя ее личные воспоминания восходят к более позднему периоду Хорезмской экспедиции (*Вишневская* 2013).

²² Подробно о Нукусской базе в последний период существования ХАЭЭ изложено в воспоминаниях С.М. Колякова (*Коляков* 2013).

²³ Б.И. Вайнберг, участница послевоенных экспедиций, рассказывала мне о том, как они вместе со своим сокурсником Г.А. Федоровым-Давыдовым в конце 40-х гг. добирались из Москвы до лагеря на Топрак-кале самостоятельно. В Москве как будто бы им сказали, что в поезде, идущем до Нукуса, существует прицепной вагон, идущий до ближайшей от Топрак-калы ж/д станции (которая, впрочем, тоже была достаточно удалена от лагеря). Вдохновившись такой перспективой, они собрали от родителей и родственников студентов передачи для них (в основном, конечно, продукты), включая целый чемодан сушек (по тем временам неслыханная роскошь), так как их обещали встретить на станции с экспедиционной машиной. Конечно, информация о вагоне оказалась ложной, и от Нукуса они добирались несколько суток на перекладных, но чемодан не бросили, хотя и изрядно переругались из-за этого.

²⁴ “...на уже описанных полуторках добрались до Топрака. А там застали критическую ситуацию: в подготовленном к нашему приезду лагере буквально накануне произошел пожар. При сильном ветре это могло произойти от малейшей искры, от плохо потушенной папиросы. В общем, мы приехали на пепелище. Сгорели палатки, спальники, а главное – большая часть продуктов. А ведь время было голодное, послевоенное, все продукты только по карточкам. Выручили нас местные власти, привезли муки и растительного масла, и ели мы в основном такую мучную затирку. Спасали арбузы и дыни, которые приносили местные рабочие” (*Рожанская* 2013).

²⁵ Для тех, кто не знает или забыл, что это было за время, рекомендую перечитать эссе И. Бродского “Полторы комнаты” и “Меньше единицы”, а также роман И. Грековой “Свежо предание”, написанный в 1962 г., но опубликованный впервые лишь в 1995 г. в США и совсем недавно у нас. В романе повествуется о том, чего с официальной точки зрения не могло быть в Советской стране – об антисемитизме.

²⁶ Начало разработки проекта – конец 50-х – 60-е гг. Исследовательские и строительные работы – середина 60–80-х гг. Работы по проекту были прекращены в 1986 г. в результате многочисленных научных экспертиз и общественных обсуждений. В 1980-е гг. подавляющая часть научного сообщества, в том числе многие академики, резко высказались против проекта из-за его экологической и экономической непроработанности, неясности последствий его реализации (Кошелев 1985; Некоторые материалы о переброске части стока сибирских рек в Среднюю Азию 2000–2002).

Литература

- Акинъшин 1992 – Акинъшин А.Н. Трагедия краеведов (по следам архива КГБ) // Записки краеведов: Русская провинция. Воронеж, 1992.
- Арциховский и др. 1937 – Арциховский А.В., Воеводский М.В., Киселев С.В., Толстов С.П. О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 78–91.
- Бадер 1968 – Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. 1968. № 4.
- Бартольд 1963 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Л., 1963. Т. II. Ч. 1.
- Бартольд 1925 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России: Лекции, читанные в университете и в ленинградском институте живых восточных языков. Л., 1925. С. 241–267.
- Берестов 1964 – Берестов В.Д. Меч в золотых ножнах. М., 1964. С. 129–222.
- Берестов 1998 – Берестов В.Д. Государыня пустыня // Соч.: В 2 т. М., 1998. Т. I. С. 216–381.
- Берестов 1998 – Берестов В.Д. СП. Толстов (шеф) // Соч.: В 2 т. М., 1998. Т. II. С. 397–418.
- Бершадский 1949 – Бершадский Р. На раскопках древнего Хорезма // Новый мир. 1949. № 11. С. 149–180.
- Бидзиля, Полин 2012 – Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова могила. Киев, 2012.
- Братчев 1997 – Братчев В.С. “Дело историков”. СПб., 1997.
- БСЭ – Большая Советская Энциклопедия: Электронный ресурс <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse/> (Дата обращения: 27.04.2013)
- Большая Энциклопедия Нефти и Газ – Большая Энциклопедия Нефти и Газа. Раздел “Мелиоративные системы”: Электронный ресурс <http://www.ngpedia.ru/index.html> (Дата обращения: 27.04.2013)
- Вишневская 2013 – Вишневская Н.Ю. Хорезмская экспедиция как социо-культурный феномен // Миры, затерянные в песках: история изучения Восточного Приаралья (воспоминания участников экспедиций, архивные материалы) / Сост. И.А. Аржанцева, Н.Ю. Вишневская. Алматы, 2013 (в печати).
- Германов 2002 – Германов В.А. Глас вопиющего в пустыне: Альянс диктатора и учёного // Культурные ценности: Bibliotheca Turkmenica. Международный ежегодник. 2000–2001. СПб: Европейский дом, 2002. С. 13–34.
- Горшенина 2013 – Горшенина С.М. Туркомстарис – Средазкомстарис – Узкомстарис: формирование институций и этноцентрический раздел культурного наследия Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 52–68.
- Джапаридзе 1993 – Джапаридзе О.М. К 100-летию со дня рождения академика Б.А. Куфтина // Российская археология. 1993. № 3.
- Ершов 1941 – Ершов С.А. Археологические памятники левого берега Аму-Дарьи (краткие итоги археологического обследования 1939 г.) // Вестн. древней истории. 1941. № 1. С. 184–192.
- Жданко и др. 1967 – Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., Чебоксаров Н.Н. Сергей Павлович Толстов (К 60-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1967. № 1.
- Жданко 1981 – Жданко Т.А. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981.
- Жданко, Рапопорт 1995 – Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А. Годы войны в жизни С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. 1995. № 2.

- Зеленева 2005 – Зеленева И.В. Геополитика и геостратегия России. XVIII – первая половина XIX в. СПб., 2005.
- Земская 1983 – Земская М.И. Время в песках. Л., 1983.
- Иванова 1994 – Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский // Этнографическое обозрение. 1994. № 4.
- Из жизни Алексея Тереножкина – Из жизни Алексея Тереножкина (написано его рукой, собрано его сыном). Киев, 2006.
- Иневаткина 2002 – Иневаткина О.Н. Акрополь древнего Самарканда // Материальная культура древнего Востока. Вып. 3. М., 2002. С. 24–51.
- Иневаткина 2007 – Иневаткина О.Н. Алексей Иванович Тереножкин в Средней Азии: Труд и интуиция // Ранній залізний вік Євразії (до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна). Матеріали Міжнародної наукової конференції (16–19 травня 2007 р.). Київ-Чигирин, 2007. С. 15–17.
- Итина 1997 – Итина М.А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции // Российская археология. 1997. № 4. С. 189–199.
- Камалов 1967 – Камалов С. Выдающийся исследователь истории народов Средней Азии. (К 60-летию со дня рождения С.П. Толстова) // Вест. Каракалпакского ФАН УзССР. Нукус, 1967. № 1. С. 103–106.
- Каульбарс 1881 – Каульбарс А.В. Низовья Аму-Дарьи. СПб., 1881.
- Клейн 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. Т. I – II. СПб., 2011.
- Коляков 2013 – Коляков С.М. Бэлла // Миры, затерянные в песках: история изучения Восточного Приаралья (воспоминания участников экспедиций, архивные материалы) / Сост. И.А. Аржанцева, Н.Ю. Вишневская. Алматы, 2013 (в печати).
- Кошелев 1985 – Кошелев А.П. О первом проекте переброски сибирских вод в Арало-Каспийский бассейн // Вопросы истории естествознания и техники. 1985. № 3.
- Левина 1992 – Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры середины I тысячелетия до н.э. середины I тысячелетия н.э. // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Левина 1996 – Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М., 1996.
- Лобачева 1957 – Лобачева Н. К юбилею С.П. Толстова // Советская этнография. 1957. № 4. С. 164–166.
- Макшеев 1851 – Макшеев А.И. Описание Аральского моря // Записки РГО. Кн. V. СПб., 1851.
- Милибанд 1977 – Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. М., 1977.
- Паперный 1945 – Паперный З. Профессор-воин // Московский университет. 1945. 23 мая.
- Присоединение Казахстана – Присоединение Казахстана и Средней Азии к России (XVIII–XIX вв.): Документы / Авт.-сост. Н. Е. Бекмаханова, М., 2008.
- Рапопорт 2000 – Рапопорт Ю.А. Введение // Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М. В Низовьях Окса и Яксарта: Образы древнего Приаралья. М., 2000.
- Рапопорт 2001 – Рапопорт Ю.А. Песни Хорезмской экспедиции 1947–1955. М., 2001.
- Рапопорт, Семенов 2006 – Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.М. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2006.
- Рожанская 2013 – Рожанская М.М. О С.П. Толстове, его семье и “золотом веке” Хорезмской экспедиции // Миры, затерянные в песках: История изучения Восточного Приаралья (воспоминания участников экспедиций, архивные материалы) / Сост. И.А. Аржанцева, Н.Ю. Вишневская. Алматы, 2013 (в печати).
- Россия и Казахстан 2007 – Россия и Казахстан: историческое и культурное взаимодействие. 2007 // <http://kz.ethnology.ru> (Дата обращения: 27.04.2012)
- Скорый 2007 – Скорый С.А. Алексей Иванович Тереножкин – выдающийся археолог современности // Ранній залізний вік Євразії (до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна). Київ-Чигирин, 2007. С. 10–12.
- Смиров 2011 – Смиров А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX в.). М., 2011.
- Тереножкин 1939 – Тереножкин В.А. К истории искусства Хорезма: Рельеф “сассанидского” блюда и архитектурные памятники Хорезма. М., 1939.
- Тереножкин 1940 – Тереножкин А.И. Археологические разведки в Хорезме // Советская археология. 1940. № 6. С. 168–189.

- Тереножскин* 1940а – *Тереножскин А.И.* О древнем гончарстве в Хорезме. // ИУз ФАНССР. 1940. № 6. С. 54–64.
- Тереножскин* 1940б – *Тереножскин А.И.* Жилые постройки XI–XII вв. н.э. в Кара-Калпакской АССР // ИУзФАНСССР. 1940. № 7. С. 58–73.
- Толстов* 1929 – *Толстов С.П.* [Выступление в прениях] // Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1929. Т. II. С. 331–332.
- Толстов* 1938 – *Толстов С.П.* Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // Вестн. древней истории. 1938. № 4 (5). С. 120–145.
- Толстов* 1938а – *Толстов С.П.* Тирания Аброя (Из истории классовой борьбы в Согдиане и Тюркском каганате во второй половине VI в. н.э.) // Исторические записки. 1938. Т. III. С. 3–53.
- Толстов* 1938б – *Толстов С.П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестн. древней истории. 1938. № 1(2). С. 176–203.
- Толстов* 1939 – *Толстов С.П.* Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии. (Предварительные итоги археологических работ ИИМК АН СССР и ККАССР в 1938 г.). // Вестн. древней истории. 1939. № 3. С. 172–199.
- Толстов* 1939а – *Толстов С.П.* К вопросу о монетах “Герая” // Вестн. древней истории. 1939. № 2. С. 114–119.
- Толстов* 1939б – *Толстов С.П.* Хорезмский всадник // КСИИМК. 1939. Вып. 1. С. 7–9.
- Толстов* 1940 – *Толстов С.П.* Древности верхнего Хорезма. (Основные итоги Работ Хорезмской экспедиции ИИМК 1939 г.) // Вестн. древней истории. 1940. № 1. С. 155–184.
- Толстов* 1941 – *Толстов С.П.* Хорезмская экспедиция 1939 г. (предварительный отчет) // КСИИМК 1941. Вып. VI. С. 70–79.
- Толстов* 1948 – *Толстов С.П.* Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов* 1948а – *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М; Л., 1948.
- Формозов* 1986 – *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Формозов* 2006 – *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.
- Халфин* 1965 – *Халфин Я.А.* Присоединение Средней Азии к России. М., 1965.
- Chester* 1957 – *Chester S.* Archaeology in Soviet Asia, 1950–1951 // Kroeber Anthropological Society Papers. 1957. № 16. P. 29–43.
- Grenet* 2005 – *Grenet F.* Marakanda/Samarkand, une métropole pré-mongole (sources écrites et archéologie) // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 59e année – n° 5–6, septembre–décembre 2004. P., 2005. P. 1043–1067.
- Hassman* 2000 – *Hassman H.* Archaeology in the ‘Third Reich’ // Archaeology, Ideology and Society. Frankfurt am Main, 2000. P. 65–140.
- Shishkina* 1994 – *Shishkina G.V.* Ancient Samarkand: capital of Sogd // Billuten of the Asian Institute. New Series 8. 1994. P. 81–100.
- Tolstov* 1951 – *Tolstov S.P.* Ancient Khorezm. // Anglo-Soviet Journal. 1951. Vol. 12. № 2. P. 12–26.
- Tolstov* 1950 – *Tolstov S.P.* Az osi Chorezm. Budapest, 1950.
- Tolstov* 1958 – *Tolstov S.P.* The prehistoric cultures and primitive irrigation systems of ancient Chorasmia // London University Institute of archaeology, Univ. of London: 13th annual report and bill for 1955–1956. L., 1958. P. 8–31.

I.A. Arzhantseva. Imperial Archaeology and Archaeological Empires: the Soviet Khorezm Archaeological Expedition

Keywords: S.P. Tolstov, Khorezm archaeological-ethnographic expedition, Aral region

The article discusses the history of the Khorezm archaeological-ethnographic expedition from its inception (1937) to the closing work (1997) after the dissolution of the USSR. Three stages in the history of the expedition are marked out: prewar (1937–1941); postwar (1945–1970s), which was the most prolific, large scale, and successful stage of work; and closing (1980s–1997), throughout which projects and work were cut and terminated, in the wake of USSR’s breakdown. The author examines the phenomenon of Khorezm expedition from the viewpoint of the contemporary generation of archaeologists, paying close attention to the figure of S.P. Tolstov, a distinguished scholar and organizer who initiated the Khorezm expedition.